



# Балканы как зона турбулентности капитализма

Елена Пономарева

*«Подлинным эквивалентом третьей мировой войны представляется перспектива войны экономической. ...Купить проще, чем убить».*

*Иосиф Бродский.*

Можно согласиться с Ф. Броделем, что «события — это пыль», если только не видеть за ними их причин, реальных агентов и интересов. Так, разрешение затяжного балканского кризиса, очередные циклы которого были отмечены провозглашением независимости Косово (17 февраля 2008 г.) и обострением ситуации в Боснии, Воеводине, Македонии и Черногории, будет зависеть отнюдь не от выбора проживающих там народов или ценностей и темпераментов их лидеров. Причины, которые привели к развалу СФРЮ, к гражданским войнам на постюгославском пространстве, к обнищанию миллионов людей, к дестабилизации и «хаотизации» этого региона, куда серьезнее и глубже. В том, что происходит на Балканах, проявляется самая суть развития капитализма, находящегося сегодня в состоянии турбулентности/«системного хаоса» — явление, надо сказать, повторяющееся.

Физическое понятие турбулентности — образования в потоке жидкости или газа многочисленных хаотично изменяющихся вихрей различных размеров — как нельзя лучше описывает состояние и динамику современного капитализма как системы. Турбулентность, в целом соответствующая «системному хаосу», может выступать и как признак *распада* системы, сложившейся при прежней гегемонии, и как признак *воссоздания/создания* системы при новой гегемонии. Показательно, что турбулентность может возникать как самопроизвольно, так и в результате действий внешних сил.

Что касается гегемонии, то ее следует понимать гораздо шире, чем просто «господство». Это, во-первых, способность одного государства или некой структуры управлять и руководить системой суверенных государств, что кардинальным образом меняет прежний режим функционирования системы, в нашем случае — международной системы. Во-вторых, сама эта власть гораздо больше и глубже простого «господства», так как основана, по выражению А. Грамши, на «духовном и нравственном руководстве» [Грамши 1959: 345]. Если принуждение означает применение силы

или угрозу возможного ее применения, то нравственное руководство означает согласие управляемых. Мировая гегемония США как кластера капиталистической системы возникла во многом именно потому, что им удалось обосновать свою экспансию как отвечающую интересам граждан подчиняемых американской воле государств. Однако обо всем по порядку.

### **Поворотный момент в истории капитализма**

Серьезные изменения в способах функционирования капитализма, в пространственной конфигурации процессов накопления капитала начались в середине 1970-х годов, но точки перелома/бифуркации они достигли лишь к концу XX столетия. Если в 1970-е годы преобладала тенденция к переращению процессов накопления капитала из стран «золотого миллиарда» на периферию (инвестиции в страны арабского Востока, Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, реализация различных моделей модернизации), то в 1980-е наблюдалось возвратное движение. Обе тенденции свидетельствуют о высокой географической мобильности капитала, что связано с эволюцией процессов производства и обмена, с развитием информационных технологий и коммуникационных сетей. В определенной степени возвратное движение капитала обуславливалось тем, что вплоть до конца 1980-х годов значительная часть мирового пространства контролировалась антикапиталистической системой, ядром которой был СССР.

Поворотный момент в современной истории капитализма наступил с крахом Советского Союза. В данном случае речь идет не об идеологической или чисто политической составляющей противостояния, а именно о политико-экономическом

сдерживании движения капитала, осуществлявшемся советской системой. Когда это препятствие было устранено, капитализм действительно стал мировой системой, что, собственно, и ознаменовалось эрой глобализации. Глобализация же, в свою очередь, символизировала не только пространственный, но и сущностный триумф капитала, освободившегося от излишней опеки со стороны государства. В условиях глобализации произошел «переход к власти финансового капитала над национальными государствами» [Harvey 1989: 168].

Ни для кого не секрет, что капитализм «предпочитает» ликвидность и стремится, чтобы необычайно большая доля денежных потоков оставалась в ликвидной форме. Благодаря уникальным технологическим и коммуникационным достижениям постиндустриального общества конца XX – начала XXI вв. глобальные денежные рынки резко сократили возможность государства контролировать финансово-экономические потоки. Например, уже в середине 1990-х годов объем чисто спекулятивных межвалютных финансовых транзакций достиг 1 300 млрд. долл. в день. Это в 5 раз больше, чем объем мировых торговых обменов, и чуть меньше, чем суммарные резервы всех национальных банков мира на тот момент (1 500 млрд. долл.). Глобализация в корне изменила соотношение уровней, характерное для эпохи модерна: государственный и локальный уровни отошли на второй план, уступив место глобальному и региональному.

Анализ развития мировой экономики с конца 1990-х годов демонстрирует, что сущность капитализма эпохи глобализации — *регионализация мира*. Причем этот процесс имеет, как минимум, два вектора. Первый — формирование наднациональных, преимущественно региональных, эко-

номических и политических структур типа Европейского союза или НАФТА. Второй — появление внутри государственных границ «*региона-государства*», превращающегося, по мнению некоторых исследователей, в естественную единицу глобальной информационной экономики. Регион-государство (далее — РГ) решает региональные проблемы путем использования глобальных ресурсов и в большей степени связан с другими РГ, чем со своей страной [Ohmae 2000]. Функционирование РГ определяется сугубо экономическими, а не политическими, тем более, не социальными или историко-культурными императивами. РГ — это единица спроса и потребления. Поэтому и численность населения должна быть соответствующей: не более 20 млн. человек, иначе не будет обеспечено единство граждан как потребителей, но и не менее 5 млн., чтобы обеспечить экономию за счет услуг, особенно тех, которые важны для эффективного участия в глобальном управлении.

Глобальная экономика представляет собой не единую ткань, не «всеобщее», а сеть из 100–200 точек-узлов. Эта сеть как бы парит над остальным миром с его «суверенными» государствами. По сути, появление РГ представляет собой десоциализацию, денационализацию, а значит, и десуверенизацию государства. Эти процессы чутко уловил Ф. Боббит. По его мнению, национальные государства больше не справляются с решением раздирающих мир проблем и противоречий. На смену им пришел новый порядок «*рынков-государств*», где основная часть функций отдана в управление частному сектору. Участник все меньше полагается на регулирование и все больше — на рыночные механизмы и стимулы. Если регион-государство пока еще сохраняет черты «*nation-state*», а вместе с ним и в определенной степени суверенные

характеристики, то рынок-государство эти характеристики утрачивает окончательно. Таким образом, регион-государство является переходной формой к действительно глобальной структуре — рынку-государству.

О появлении целого ряда «неклассических» сил в мировой политике пишет и Д. Драгунский, выделяя, в первую очередь, «*региональные ансамбли*» (далее — РА) — «неформальные географически-культурно-национальные объединения (Балканы, Кавказ, Центральная Азия)» [Драгунский 2008: 7]. При кажущемся единстве внутри РА происходит жесткая борьба за доминирование (например, гражданские войны в Хорватии, Боснии, Косово, Македонии). Это, с одной стороны, мешает сформулировать единую политику стран и международных организаций относительно РА, но с другой — позволяет агентам капиталистической системы реализовывать принцип «разделяй и властвуй» (закрытие и грошовая приватизация предприятий, кредитование и т.п.), диктуя «новым» государствам свою волю. Так или иначе, региональные ансамбли легко превращаются в зоны турбулентности, в очаги нестабильности, усиливая «системный хаос» капитализма.

Разумеется, наступление на государство «по всем фронтам» не связано исключительно с «предпочтением ликвидности». Возникновение и расцвет капитализма наступает тогда, когда он «идентифицирует себя с государством, когда сам становится государством» [Бродель 1993: 69]. Однако, получив возможность освободиться от ненужной опеки со стороны государства, капитал не преминул ею воспользоваться. Выбор в пользу не национального, а транснационального доминирования был сделан капитализмом в силу ряда причин. «Довольно громоздкая и внешне неизменная конфигурация политической власти, которая

связывала крупные профсоюзы, крупный капитал и ... правительство все больше мешавшими нормальной работе прописанными приобретенными правами, ... скорее подрывала, чем обеспечивала безопасное накопление капитала» [Harvey 1989: 142]. В неолиберальной глобализации крупнейшие корпорации увидели не только удобный способ освободиться от государственного регулирования, налогового гнета и контроля национальных институтов, но и возможность устранить — путем селективного применения принципов либерализации — негодные элементы прошлого (например, социальные программы). Кроме того, перед крупными капиталистическими структурами открылась перспектива создать новые центры власти, сформировать особые правила рыночной игры в мировых масштабах, опираясь на уже накопленные преимущества и мощь при слабости национального государства, особенно периферийного.

Причем если в развитых странах неолиберальная модель глобализации воплощалась в жизнь осторожно и селективно, то в отношении периферийных пространств, к которым, без сомнения, относятся Балканы, колебаний не наблюдалось. Детали требований к правительствам уточнялись в каждом конкретном случае, но суть их неизменно сводилась к либерализации торговли и цен, дерегулированию предпринимательской деятельности, всемерному сокращению хозяйственных функций государства, строгой фискальной политике. Множество не всегда даже совместимых требований (молниеносная приватизация, обуздание инфляции, обеспечение платежеспособности по долгам, форсирование экспорта, стабилизация финансовой системы) не только давало развитым странам и международным организациям большую свободу в оценке состояния экономики периферии,

но и открывало возможности для оказания на них прямого политического, экономического и даже военного давления.

В результате неолиберального блицкрига за 10–15 лет в капиталистическое товарно-денежное обращение были втянуты новые огромные пространства и сферы человеческой деятельности. Только для Европы это 18 государств бывшей зоны советского влияния. Сложилась новая пропорция и расстановка сил между хозяйственными и политическими субъектами, между государством и корпорациями, между производством и финансами. Экономика многих стран стала импортозависимой и экспортно-ориентированной, исторически обусловленная конкурентная борьба между странами обострилась, появилось также противостояние между государством и ТНК. Согласно данным ООН, в так называемых транзитных странах с 1990 г. массовая пауперизация возросла с 14 млн. до 168 млн. человек, что не имело аналогов в истории. В докладе ООН «Глобализация благоприятствует богатым нациям» (12 июля 1999 г.) отмечалось, что в 85 из 174 обследованных стран по показателям «индекса человеческого развития» люди стали жить хуже, чем они жили за 10 лет до этого, тогда как пятерка ведущих стран — Канада, Норвегия, США, Япония, Бельгия — улучшила свои показатели. Проведенную геоэкономическую операцию, действительно, иначе не назовешь, как «глобальной экспроприацией» [Фурсов 2006].

Что же касается балканских государств, то они попали в этот список в числе первых. Возьмем рейтинг стран по индексу качества жизни, который включает в себя следующие переменные: ВВП на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, расходы на здравоохранение, образование, детская смертность в возрасте

до года, смертность от болезней и увечий. При максимальном балле в 10 единиц Словения занимает 35 место (4,65), Хорватия — 52 (3,44), Болгария — 70 (2,71), Босния и Герцеговина — 74 (2,67), Македония — 75 (2,67), Албания — 86 (2,47), Сербия и Черногория (на момент определения данного рейтинга это было еще единое конфедеративное государство) — 108 (2,04). Добавим лишь, что Хорватия в рейтинге соседствует с Коста-Рикой, Босния и Македония — с Гренадой, а Сербия и Черногория — с Гватемалой и Никарагуа [Политический атлас современности 2007: 148, 171]. Безусловно, любой рейтинг имеет погрешности и даже определенную ангажированность. Вряд ли можно согласиться с тем, что индекс качества жизни, например, в Сербии и Черногории ниже, чем в Албании, но общая тенденция понятна.

Финансовое регулирование является одним из основных способов управления. Государственный долг К. Маркс назвал «отчуждением государства», но он не мог предугадать, что этот «волшебный жезл» [Маркс 1960: 764], оказавшись в руках не других государств, а международных и неправительственных организаций, приведет к невиданному масштабу концентрации финансового капитала, которая, в свою очередь, сделает должниками практически все страны мира. Более того, их существование, а значит политика и экономика будут напрямую зависеть от «нескудеющей руки дающего», который непроизводительные деньги будет легко наделять производительной силой за счет кредитования той или иной страны, превращая их в капитал, причем долгосрочный. Международное кредитование в современных условиях — один из главных открытых, легальных источников обогащения одних и обнищания других: должники нищают, кредиторы богатеют.

Например, на конец 2003 г. общая сумма внешнего долга развивающихся стран достигла 2 053 млрд. долл., а четырех десятков так называемых стран с низкими доходами превысила 520 млрд. долл. Следует помнить, что внешняя задолженность стран Севера не идет ни в какое сравнение с долгами развивающегося мира. На долю богатых приходится более 90% общемирового объема внешнего долга, оцениваемого примерно в 35 000 млрд. долл. Только долг США (7 600 млрд. долл.) в 3 раза превышает общую сумму внешней задолженности стран Юга. Но проценты по кредитам платят слабые. Так, страны Африки южнее Сахары, считающиеся самыми бедными в мире, отправляют в страны Севера на 1,5 млрд. долл. в год больше, чем получают от них [Le Monde Diplomatique 2007: 86–87].

Теперь обратимся к статистике по Балканам [Страны и регионы мира 2003] (см. табл. 1).

Приведенные в *таблице 1* данные отражают ситуацию на 2000–2003 гг., но это никоим образом не меняет общую современную картину. Вывод очевиден: экономически Балканы превратились из достаточно успешного аграрно-индустриального региона не просто в европейское захолустье, но в «кредитную корову» для капиталистической системы. Показательна следующая закономерность: чем более развитой была экономика страны, тем выше оказывается ее задолженность. К. Поланьи верно заметил, что «финансы ... играли роль мощного сдерживающего фактора в планах и действиях целого ряда небольших суверенных государств. Займы и их продление зависели от кредита, сам кредит — от хорошего поведения» [Поланьи 2002: 24].

Итак, поворотный момент в истории капитализма непосредственно связан с неолиберальной глобализацией, эра кото-

рой наступает после крушения антикапитализма — советской системы. Капитализм, освободившись от опеки национального государства, получил возможность эксплуатировать ранее неосвоенные пространства, обеспечивая тем самым устойчивую ликвидность капитала.

Прав оказался И. Бродский, утверждавший: «Подлинным эквивалентом третьей мировой войны представляется перспектива войны экономической. Отсутствие международного антитрестовского законодательства обеспечивает перспективу ничем не ограниченного соперничества, где все средства хороши и где смысл победы — до-

минирующее положение. Битвы этой войны будут носить сверхнациональный характер, но торжество всегда будет национальным, то есть по месту прописки победителя. Финансовое могущество принимает обычно разнообразные формы экспансии — экономической, политической, культурной. Купить проще, чем убить. Национальный долг, как форма оккупации, надежнее воинского гарнизона. Представляется вполне вероятным, что страны Восточной Европы, высвободившись из-под коммунистического господства, окажутся в положении стран-должников... то есть стран, оккупированных на новый лад» [Бродский 1990].

Таблица 1. Экономические показатели стран Балканского региона

Страна	Дефицит бюджета (%)	Инфляция (%)	Уровень безработицы (%)	Объем накопленных иностранных инвестиций (млрд. долл.)	Внешняя задолженность (млрд. долл.)
Албания	23,6	20	30	0,517	0,784, или 13% от ВВП
Болгария	–	5,9	18	3,4	10, или 22% от ВВП
Босния и Герцеговина	–	8	более 20	0,53	3,4
Македония			35	0,380	1,4, или 14% от ВВП
Сербия и Черногория	30	18	28	–	11,9, или 49,5% от ВВП
Словения	0,3	10	13	22,7	6,2
Хорватия	–	4	20	4,9	12,1, или 34% от ВВП

### **Турбулентность/«системный хаос» и «мировая гегемония»**

Что же все-таки заставляет исследователей говорить именно о турбулентности, неустойчивости и непредсказуемости современного капитализма, если он так укрепился, подмяв под себя даже государство? Тому есть несколько причин.

Во-первых, ликвидация антикапиталистической системы, крушение коммунистических режимов и разрушение «баланса сил» привели к появлению множества действительно или потенциально враждующих друг с другом этнонаций, что в докладе известной корпорации «РЭНД» было расценено как возвращение конфликтов и войн к раннесовременным (диким, варварским, жестоким) формам [см.: Шевякин 2005]. С «непрекращающимися, спорадическими вооруженными конфликтами, не имеющими четких границ во времени и пространстве и происходящими на нескольких уровнях со множеством национальных и субнациональных сил» [Jenkins 1983: 17] войны и конфликты последней четверти XX – начала XXI вв. вполне можно сравнить с войнами итальянского Возрождения или войнами начала XVII в.

Это возрождение раннесовременных и даже предсовременных моделей означает исторический откат, возврат в состояние хаоса. Прежняя система — блоковая, биполярная (кому как удобно) — разрушена, на ее месте формируется новая. Любые беспорядочные, непредсказуемые действия можно соотносить с турбулентностью/«системным хаосом» — повторяющимся состоянием международной системы. Достаточно вспомнить, какие события завершились Вестфальским договором 1648 г. или ялтинско-потсдамскими соглашениями 1945 г. и последовавшим формированием новых систем.

Состояние «системного хаоса»/турбулентности наиболее очевидно во время *создания* системы. Поэтому оно и проявляется двойко: как признак *распада* системы, сложившейся при старой гегемонии, и как ключевая составляющая в *воссоздании/создании* системы при новой гегемонии [Rosenau 1990: 79]. Дж. Арриги считает, что «нарастание системного хаоса/турбулентности 1970–1980-х годов прекрасно согласуется с этой моделью. Его (хаос. — Е.П.) можно считать признаком распада системы, сложившейся при американской гегемонии, и ключевой составляющей возможного, но, ни в коей мере, не предопределенного будущего воссоздания системы на новых основаниях. Тем не менее возрождение раннесовременных форм становления государства и ведения войны посреди вызовов государственной власти, беспрецедентной по своим масштабам и возможностям, означает, что в нынешнем системном хаосе/турбулентности может быть нечто особое по сравнению с более ранними проявлениями этого феномена» [Арриги 2006: 127].

Беспорядочность, или турбулентность проявляется в том, что движение системы, в нашем случае — капитализма, может происходить, как минимум, в двух направлениях: «вперед» — к совершенно новой системе пространственной организации и функциональной сущности, и «назад» — к раннесовременным или даже предсовременным формам действия. Капитализм никогда не был единым во всех частях света. Он умело приспосабливался к требованиям той или иной территориальной организации — государства. Движение капиталистической системы всегда происходило в обоих направлениях, что является важной особенностью миросистемы. Однако с разрушением государства, утратой им важнейших регулирующих и контролирующих функций,

а также с ростом масштабности и сложности мировой капиталистической системы, которая уже почти не имеет пространства для роста, ситуация в корне изменилась. Характерное для капитала двойное движение и сопутствующая ему турбулентность могут привести не к новому восстановлению современной системы на расширенных основаниях, а к ее превращению в абсолютно иную систему, которая воссоздаст те или иные черты раннесовременных или предсовременных форм организации. То есть движение может стать однонаправленным.

Во-вторых, стремительный рост числа ТНК, операций внутри них и между ними стал наиболее важным фактором в отмирании современного государства как основного локуса мирового могущества. Однако и силу складывающегося, по определению Дж. Рагги, «постсовременного гиперпространства» не стоит преувеличивать. Более того, пространства финансовых потоков вполне могут сосуществовать с национальными государствами. Современный финансовый кризис убедительно показал потребность капитала в государственной опеке. Несмотря на свою финансовую силу, ТНК, тем не менее, не могут заменить институты государства. Хотя, как уже было показано, «могут способствовать их упадку с помощью нового поведения, которое они порождают, и новых пространственно-временных конструкций, которые они воплощают» [Barnet, Miiller 1974: 15–16]. Таким образом, существующее положение вещей не придает стабильности системе, так как не предполагает определенный вектор развития.

В-третьих, «системный хаос»/турбулентность непосредственно связан с понятием «гегемония», которое, как уже отмечалось, следует понимать гораздо шире, чем просто «господство». «Системный хаос»/тур-

булентность относится к ситуации общего и явно невозможного отсутствия организации. Эта ситуация возникает, когда «конфликт преодолевает определенный порог, вызывая серьезное противодействие либо вследствие того, что новая совокупность правил и норм поведения навязывается (или прорастает из) старой совокупности правил и норм, не замещая ее, либо вследствие сочетания этих двух обстоятельств» [Арриги 2006: 72]. По мере возрастания «системного хаоса» требование «порядка» — любого, старого или нового — все шире распространяется среди политических элит и подданных. Государство (или группа государств), способное удовлетворить такое системное требование, может установить свою гегемонию в мире. Однако не следует забывать, что турбулентность может возникнуть сама, а может быть вызвана внешними силами: сложноорганизованные системы помимо внешнего воздействия воспроизводят и тенденцию саморазвития. На Балканах соединились два фактора хаоса: этноконфессиональные предпосылки напряженности и активное воздействие третьих сил (США, Великобритании, Германии, Франции).

В-четвертых, «системный хаос»/турбулентность капиталистической системы объясним процессами становления «порядка через хаос», неустойчивости как основополагающей характеристики процессов эволюции систем. Как утверждает синергетическая парадигма, жесткое программирование тенденций эволюции сложноорганизованных систем практически недостижимо. Приведем несколько положений этой парадигмы.

*Первое.* Хаос не только служит удобным методом внешнего управления, но и имеет созидательный потенциал, который может оказаться достаточным для конституирования новых организационных форм.



В точке перелома/бифуркации у системы есть несколько путей развития, и она «выбирает» — куда идти дальше. Если система находится в состоянии «неравновесного порядка», то любое воздействие может обрушить ее в хаос. Если же она находится в состоянии «детерминированного хаоса», то даже при слабом влиянии она может организовать в относительно устойчивый порядок.

*Второе.* Любой сложной системе, каковой является миросистема, неотъемлемо присуща альтернативность сценариев развития, пусть и при наличии известной инерционно-исторической предопределенности ее изменений в точках бифуркации.

*Третье.* Неустойчивость следует рассматривать как одно из условий и предпосылок стабильного и динамического развития, а не только как предпосылку хаотизации пространства.

И, наконец, мир-система может пониматься как иерархия сред с различной нелинейностью [Пригожин, Стенгерс 1986].

Балканы являют собой *нелинейный феномен*, поэтому управлять ими посредством манипулятивных технологий в интересах одной группы сложно, если не невозможно. «Нелинейность» как одно из узловых понятий синергетики позволяет выявить потенциальные точки поражения капитализма как на Балканах, так и в других регионах мира. Дело в том, что осуществимы отнюдь не любые сценарии развития системы, а лишь сценарии, ограниченные определенным диапазоном воздействий. Например, попрание принципа нерушимости границ и провозглашение «суверенитета» территориальной единицы возможно. Возможно даже признание новообразования рядом внешнеполитических субъектов. Однако это вовсе не означает, что такой сценарий приведет к окончательному установлению

новой гегемонии. В точке бифуркации даже самые малые воздействия на систему могут иметь огромные последствия. Этим малым воздействием может стать всего лишь несогласие некоторых стран и народов с навязываемой моделью мироустройства.

### **Военно-энергетическая составляющая турбулентности**

Ряд экспертов считает, что балканский вопрос самым непосредственным образом связан с энергетическими проектами. Например, существует проект перекачки каспийской нефти через Косово к Адриатическому морю, откуда ее танкерами можно поставлять на западноевропейские рынки [Хаггер 2008: 217]. Контролировать транспортные артерии, как известно, удобнее и надежнее через систему протекторов, которые и создавались США и ЕС на постюгославском пространстве начиная с 1991 г.

В частности, сразу после провозглашения «независимости» Косово Международный консорциум в составе фирм Италии, США, Великобритании и Албании объявил о скорой доработке проекта нефтепровода Адриатика — Македония — Болгария: Влора — Скопье — Бургас. Причем эта артерия спланирована таким образом, что почти половина ее проходит по территориям, на которых проживают албанцы. Скорее всего, этот проект предназначен для конкуренции с нефтепроводом Бургас — Александрополис, по которому российскую и каспийскую нефть намечено доставлять в Средиземноморье минуя Турцию. Конкуренты стремятся быстрее построить «трансалбанский» нефтепровод и тем самым вынудить Россию транспортировать нефть по менее выгодному для нее маршруту.

В связи с этим уместно вспомнить слова министра энергетики США Б. Ричард-

сона, который во время бомбардировок Союзной Республики Югославия в 1999 г. заявил: «Речь идет об энергетической безопасности Америки... Мы говорим о стратегическом сдерживании тех, кто не разделяет наших ценностей... (выделено мной. — Е.П.). Мы вложили значительные деньги в Каспий, а теперь для нас очень важно, чтобы нефтепроводы и политика шли в нужном нам направлении» [см.: Овчинский 2008б: 26]. Однако Балканы совершенно особый и не слишком предсказуемый мир. Поэтому американцам здесь, по-видимому, придется воспользоваться мудростью Чингисхана: «Не важно, добыешь ли я успеха; важно, чтобы остальные потерпели неудачу».

Энергетическая составляющая балканского вопроса самым непосредственным образом связана с военно-разведывательной. Компания «Халлибартон» (ее связывают с именем Д. Чейни) построила в Косово крупнейшую американскую военную базу со времен войны во Вьетнаме — «Кэмп Бондстил». Менее чем за три года «Бондстил» из палаточного лагеря, размещенного на 400 гектарах недалеко от македонской границы, превратился в автономную, оснащенную по последнему слову техники базу, где уже сосредоточено более 7 тыс. военнослужащих.

«Бондстил» имеет развитую дорожную сеть протяженностью 25 км, более 300 зданий, окруженных 84 км колючей проволоки с 11 вышками. База располагает собственным жильем, торговыми точками, круглосуточно работающими спортивными залами,

там есть церковь, библиотека и самый современный в Европе госпиталь. Здесь же базируются 55 вертолетов «Черный сокол» и «Апачи». Считается, что «Бондстил» заменяет американскую военно-воздушную базу в Авиано (Италия) [Булатович 2008]. Кроме того, параллельно строилась еще одна база — «Кэмп Монтажс», также рассчитанная на 7 тыс. военнослужащих. По последним данным, в Косово размещено 16 тыс. американских военных.

Двадцать лет назад С. Краснер заметил, что обширная сеть военных баз за рубежом, созданная США, «не имела исторических прецедентов; ни одно государство раньше не размещало свои войска на суверенной территории других государств в таком огромном количестве в течение такого продолжительного периода мирного времени» [Krasner 1988: 21]. Поистине, «будущее — это худшее, что есть в настоящем» (Г. Флобер).

Задачи, которые призвана решать база «Бондстил», тесно связаны с финансируемым американцами проектом «АМВО». «Бондстил» в совокупности с другими, менее крупными базами, которые будут построены вдоль предполагаемой трассы нефтепровода, — прямой и сознательный вызов России как в военно-стратегическом, так и в экономическом смысле. Некоторые эксперты даже утверждают, что «Бондстил» может стать столицей нового «квази-государства»\*, которое объединит населенные албанцами территории Македонии, южной Сербии и Черногории, Косово и собственно Албанию. В результате США и

\* Термин «квази-государство» предложил Р. Джексон в 1990 г. для описания государств, получивших юридическую государственность и ставших членами международной системы, но оказавшихся не в состоянии выполнять правительственные функции, исторически связанные с государственностью [Jackson 1990: 21]. — *Прим. авт.*

страны НАТО смогут контролировать целый регион.

Однако вернемся к энергетике. Директор АМВО Т. Фергюсон недавно заявил, что трансбалканский нефтепровод — это северо-восточная часть средиземноморского энергетического коридора, создаваемого НАТО и ЕС, в состав которого входят также трасса Одесса — Броды — Гданьск и запланированный нефтепровод Грузия — Украина «Белый поток» (пройдет по дну Черного моря). Планируется, что в обратном направлении, то есть через албанскую Влору на Бургас в бывшие республики СССР, будет поступать североафриканская и ближневосточная нефть для конкуренции с российскими поставками в ближнее зарубежье.

Учитывая, что 80% стоимости нефти у потребителя составляют расходы на ее транспортировку, следует согласиться с мнением, что «глобальные войны XXI в. будут войнами за маршруты транспортировки энергоносителей» [Овчинский 2008а: 3]. Даже такой беглый взгляд на экономическую и военно-разведывательную составляющую балканского вопроса дает основания сделать вывод, что он не примитивно этноцентричен. Турбулентность на Балканах вызвана внешними силами исключительно в интересах ведущих игроков капиталистической системы.

### **Косово как пример борьбы за ресурсы в капиталистической системе**

Современный капитализм совершенно по-новому использует территорию. Его пространственная экспансия имеет особые мотивы. Если исторически государство отождествляло власть с протяженностью и населенностью своих владений и считало богатство/капитал только средствами

или побочным продуктом территориальной экспансии, то современный капитал, напротив, отождествляет власть с контролем над ресурсами и считает территориальные приобретения средством или побочным продуктом накопления капитала. «Перефразируя общую формулу капиталистического производства у Маркса ( $D - T - D'$ ), можно провести различие между двумя логиками власти при помощи формул  $Terr - D - Terr'$  и  $D - Terr - D'$ , соответственно. Согласно первой формуле, абстрактная экономическая власть или деньги ( $D$ ) представляет собой средство или промежуточное звено в процессе, направленном на приобретение дополнительных территорий ( $Terr' - Terr = +\Delta Terr$ ). Согласно второй формуле, территория ( $Terr$ ) представляет собой средство или промежуточное звено в процессе, направленном на приобретение дополнительных средств платежа ( $D' - D = +\Delta D$ )» [Арриги 2006: 75]. Фактически, в современной капиталистической системе контроль над мобильным капиталом является целью, а контроль над территорией и населением — средством. Балканы — прекрасное тому доказательство. Проиллюстрируем это на примере Косово.

На протяжении всего послевоенного периода (1946–1991 гг.) автономный край Косово оставался самым слабо развитым регионом социалистической Югославии, зато по имеющимся ресурсам он не имеет себе равных на Балканах, а, возможно, и во всей Европе. Здесь сосредоточены богатые месторождения свинца, цинка, никеля, кадмия, бокситов, марганца, галлузита, селена и кварца. Исследованные на середину 1980-х годов месторождения свинцовых и цинковых руд края составляли 52,2% общегославских ресурсов, никеля — 50%, магнетита — 35%, лигнитов (бурого угля) — 53%, висмута — 100%. На Косово прихо-

дилось 14,8% общегославского производства серной кислоты, 59,9% серебра, 30% цинка, 63,1% рафинированного свинца [Факты о Социалистической Федеративной Республике Югославии 1985: 112]. По данным Всемирного банка, стоимость минеральных ресурсов Косово до начала финансового кризиса превышала 19 млрд. долл. По оценкам экспертов гражданской миссии ООН в Косово, запасы только лигнита в крае составляют 8,3 млрд. тонн, по оценкам же сербских специалистов — 14 млрд. тонн (это дает возможность заниматься их эксплуатацией в течение 150–200 лет). Запасы оловянной и цинковой руд оцениваются в 42,2 млн. тонн (это в 3 раза больше, чем в остальной Сербии), никеля и кобальта — в 13,3 млн. тонн, бокситов — в 1,7 млн. тонн, магнетита — в 5,4 млн. тонн.

В условиях обострения мировой конкуренции за минеральные ресурсы версия о внешнем управлении для Косово представляется весьма логичной. Вариант сохранения Косово под юрисдикцией Белграда с последующим принятием Сербии в Большую Европу ведущих капиталистических игроков не устраивал. Куда предпочтительнее выглядит «интернационализация» сербских ресурсов. Собственно, именно эта схема получения доступа к сырью получила широкое распространение при новой гегемонии. Она предполагает следующую последовательность действий: дестабилизация государства (путем нагнетания этноконфессиональной напряженности, свержения правящего режима, усиления сепаратистских тенденций или прямого военного вмешательства); установление внешнего протектората в целях предотвращения (а на самом деле — для поддержания) «хаоса», а уже затем приватизация ресурсной и промышленной базы и бесконтрольная эксплуатация ресурсов.

Но важна не только ресурсная составляющая. Помимо ресурсов Косово обладает промышленной базой. Например, хозяйственный комплекс «Трепче» объединяет 14 шахт и 8 обогатительных фабрик, в том числе электролиз цинка, аккумуляторный завод, заводы серной кислоты, искусственных удобрений и т.д. Из промышленных объектов следует также назвать горнорудный энергетический и химический комбинат «Косово» в Обиличе, в распоряжении которого имеются ресурсы лигнитов, превышающие 10 млрд. тонн, объекты для обогащения и газификации угля и выработки азота, ТЭЦ «Косово А» мощностью 790 МВт и «Косово Б» мощностью 680 МВт, плавильный и очистительный заводы в Плоговаце, выпускающие ферроникель. Крупные предприятия перерабатывающей промышленности размещены в Приштине, Печи, Титова-Митровице, Призрене, Гнилане, Косовской-Каменице и Урошеваце.

Однако после войны 1999 г. и разделения края на оккупационные зоны Косово почти ничего не производит, экспорт покрывает лишь 6% импорта. Как шутят в Приштине: «Мы производим политику — это наш главный товар». На первом месте — услуги, сервис, составляющие более 70% экономического потенциала Косово. Из примерно 350 более или менее крупных промышленных предприятий работают единицы, хотя большинство из них приватизировано. В упадке находится и основная отрасль экономики — сельское хозяйство.

По неофициальной статистике, 75% населения Косово моложе 35 лет — безработные. Заработная плата в среднем составляет около 200 евро, но в эту статистику включены и крайне высокие доходы высших государственных служащих и руководства. Молодежь уходит в теневой и криминальный секторы, которые, по самым оптимистиче-

ским оценкам, составляют 20–30% экономики края. Внешний долг Косово — 1,2 млрд. долл., или 35% от ВВП. Официальной валютой является евро, которым пользуются гражданская администрация ООН в Косово (United Nations Interim Administration Mission in Kosovo) и правительство. Как и Черногория, Косово использует евро в одностороннем порядке, без подписания соответствующего соглашения с Европейским валютным союзом.

За счет чего же существует эта территория?

В ноябре 1997 г. Генеральный секретариат всемирного Интерпола направил во все страны-участники этой международной организации специальный доклад, в котором перед полицейскими ведомствами ставилась задача уделить особое внимание быстро развивающимся мафиозным кланам косовских албанцев. В докладе подчеркивалось, что преступные сообщества косовских албанцев взяли под контроль от 60 до 80% поставок героина в Швейцарию, Австрию, Германию, Венгрию, Чехию, Швецию, Норвегию. Эти мафиозные структуры обеспечивают «балканский транзит», с помощью которого еще с конца XIX в. через Балканский полуостров в Западную Европу из Пакистана, Афганистана, Ирана, Турции переправлялся сначала опиум, а затем героин. Кроме того, сами косовские албанцы выращивали в значительных объемах коноплю. Каналы перевозки наркотиков через Балканы соединились с маршрутами, начинающимися в Юго-Восточной Азии [Терризм в современном мире 2008: 87].

По данным спецслужб европейских стран, в настоящий момент действуют четыре основных канала доставки наркотиков.

*Албанский канал* идет через Албанию, Македонию, Косово и Метохию, Центральную Боснию и далее в Европу. Часть этого

пути проходит через озеро Скадар на севере Черногории, соединяясь с направлением Гусинье — Плавское озеро и далее через Рожай и Рашскую область (Санджак).

*Зеленый («Зетра»)* канал начинается в Турции, проходит через населенную мусульманами Южную Болгарию, захватывает Македонию, использует как перевалочную базу Прешево в Южной Сербии и заканчивается в Боснии. Направление «Зетра» (Турция — Босния), будучи одним из главных направлений криминального транзита, исторически является также магистральным путем проникновения ислама в Европу.

*Маширут «Д», или путь через Дубровник.* Проходит через пограничный переход «Дебели брег».

*Маширут «Р», или путь через Риеку* используется только при наличии надежных логистических центров в Хорватии и для прямых поставок наркотиков и оружия (албанские каналы криминальных связей, проходящие через Хорватию, а также Словению, существуют десятилетиями).

Специалисты считают, что использование того или иного направления во многом зависит от времени года (зимой некоторые маршруты практически непригодны). Проблема осложняется широтой земляческих, коммерческих, родственных связей, спланивающих албанскую диаспору в Европе. На сегодня эта диаспора насчитывает 5 млн. человек.

Итак, налицо тотальная зависимость Косово от мирового капитала и криминальных структур, которые, впрочем, тоже прочно вписаны в современную капиталистическую систему.

### **Оптимистическая трагедия**

Балканы в силу комплекса причин (психо-исторических, геополитических, этно-

конфессиональных, экономических и др.) стали зоной турбулентности капитализма, зоной апробации новых моделей «мировой гегемонии», моделей по руководству и управлению политическим пространством. К сожалению, таких зон в современном мире достаточно — Кавказ, Центральная Азия, есть такие зоны и в Африке, Южной Америке, Азии. Турбулентность/беспорядочность, как уже отмечалось, проявляется как признак *распада* системы, сложившейся при старой гегемонии, и *воссоздания/создания* системы при новой гегемонии. Гегемония, в свою очередь, возникает при соединении «господства» с «согласием подчиниться».

Возникновение гегемонии возможно только тогда, когда значительная часть общества принимает предлагаемый/навязываемый порядок вещей, поскольку:

- данный порядок представляется общим благом (например, позитив от вступления в ЕС — валюта, визы и т.п.);
- обществу предложен весьма комфортный материальный компромисс (списание долгов, снятие процентов по долгам, инвестиции в экономику, восстановление разрушенных во время войны объектов и т.п.);
- существующему порядку просто не видно никакой реальной альтернативы (санкции, изоляция, «сомнительные объятия России») [Дерлугьян, Харрис 2006: 19].

Наращение «системного хаоса»/турбулентности капиталистической системы (финансовый, экологический, демографический и иные кризисы) дополняется готовностью обществ, ранее не втянутых, по выражению Э. Гидденса, в «сосуд власти» капитала, согласиться на «новую гегемонию».

Опыт Балканского региона, а вместе с ним и России показывает, что, по сути, никто не может сопротивляться «системному хаосу»/турбулентности. Тем не менее необходимые условия для выхода из-под пресса глобализации, для сопротивления есть (хотя пока только теоретические).

Государство, во-первых, должно быть достаточно крупным по площади и населению; во-вторых, должно иметь развитую промышленную базу; в-третьих, должно быть достаточно сильным в военном отношении; в-четвертых, должно обладать мощным цивилизационным потенциалом (высокоразвитой культурой, длительной исторической традицией). И, наконец, оно должно иметь сильную национально-ориентированную элиту, способную максимально использовать четыре первых условия в борьбе за место в миросистеме.

За пределами ядра капиталистической системы только четыре страны в разной степени обладают либо полным набором приведенных выше условий, либо первыми четырьмя. Это — Бразилия, Россия, Индия и Китай. Значит, есть и повод для оптимизма.

## примечания

Арриги Дж. 2006. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Изд. дом «Территория будущего».

Бродель Ф. 1993. Динамика капитализма. Смоленск: ТОО «Полиграмма».

Бродский И. 1990. Взгляд с карусели. М.

Булатович Л. 2008. База Бондстил — столица нового наркогосударства на Балканах: <http://www.fondsk.ru/article.php?id=1303>

Грамши А. 1959. Тюремные тетради // Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. М.: Изд-во иностр. лит-ры.

Дерлугьян Г., Харрис К. 2006. Эволюция командных высот капитализма // Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.

Драгунский Д.В. 2008. Частное лицо эпохи // «Космополис», № 2(21).

Маркс К. 1960. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М.: Госполитиздат.

Овчинский В.С. 2008а. Война миров // «Завтра», № 11.

Овчинский В.С. 2008б. «Независимость» Косово в зеркале теневой политики. Аналитический доклад. М.: ИНФРА-М.

Поланьи К. 2002. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя.

Политический атлас современности. 2007. М.

Пригожин И., Стенгерс И. 1986. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.

Страны и регионы мира 2003: экономико-политический справочник. 2003. М.

Терроризм в современном мире. 2008. М.: Наука.

Факты о Социалистической Федеративной Республике Югославии. 1985. Белград.

Фурсов А.И. 2006. Корпорация-государство // Материалы клуба «Красная площадь». М.

Хаггер Н. 2008. Синдикат. М. Шевякин А.П. 2005. Загадка гибели СССР. М.: Вече.

Barnet R., Miiller R. 1974. Global Reach. The Power of the Multinational Corporations. N.Y.: Simon & Schuster.

Harvey D. 1989. The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Oxford: Basil Blackwell.

Jackson R. 1990. Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World. Cambridge.

Jenkins B. 1983. New Models of Conflict. Santa Monica, CA: RAND Corporation.

Krasner S. 1988. A Trade Strategy for the United States // «Ethnics and International Affairs», № 2.

Le Monde Diplomatique. 2007. Атлас. М.

Ohmae K. 2000. The Invisible Continent. Four Strategic Imperatives of the New Economy. N.Y.

Rosenau J. 1990. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton.